

ИСТОРИЯ**Реформы в цинском Китае начала XX в. глазами
российских дипломатических представителей
(по документам из фондов РГИА)**

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120023468-5

Самойлов Николай Анатольевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный университет (адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9–11). ORCID: 0000–0003–1361–0847. E-mail: n.samoylov@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 29.10.2022.

Аннотация:

В 1901 г. после подавления «Боксерского» восстания войсками восьми держав и подписания «Заключительного протокола» усилилась зависимость Цинской империи от иностранных государств, что усугубило нараставший экономический и социально-политический кризис в стране. Императорское правительство было вынуждено начать проведение в сфере государственного управления, образования, экономики, культуры и в военной области серии реформ, получивших название «Новой политики».

Данная статья посвящена анализу донесений российских дипломатических представителей, которые в то время пристально следили за происходившими в Китае событиями. Настоящее исследование демонстрирует важность обращения к такому источнику, как письменные отчеты и телеграммы российских дипломатов и представителей министерства финансов, отправленные из Китая в Санкт-Петербург, а ныне хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива. По содержанию этих документов можно составить целостную картину начального этапа осуществления «Новой политики» и связанной с ней борьбы группировок за политическое влияние, что имеет большое значение для понимания этого сложного периода китайской истории. Рассмотренные документы представляют собой не просто сводку собранной информации, но также содержат глубокий анализ происходивших в Китае событий. Очень ценными следует признать характеристики выскопоставленных китайских государственных деятелей того времени, присутствующие в донесениях российских представителей. Также там можно встретить оценку позиции западных держав и Японии по отношению к начавшимся в Китае преобразованиям. Изучение архивных документов позволяет сделать вывод о том, являясь хорошо подготовленными китаеведами, российские представители внимательно следили за реформами в цинском Китае и делали далеко идущие прогнозы.

Ключевые слова:

Китай, история российско-китайских отношений, «Новая политика» цинского правительства, Покотилов, Позднеев, Лессар.

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00858 («Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX в.): внешнеполитическое и социокультурное измерения»). URL: <https://rscf.ru/project/22–28–00858/>.

Для цитирования:

Самойлов Н.А. Реформы в цинском Китае начала XX в. глазами российских дипломатических представителей (по документам из фондов РГИА) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 175–188. DOI: 10.31857/S013128120023468-5.

1901-й год стал переломным в истории Китая. Подавление восстания ихэтуаней войсками восьми держав и подписание в сентябре «Заключительного протокола» привели к усилению зависимости Цинской империи от иностранных государств, что усугубило нараставший экономический и социально-политический кризис в стране. Эти события и вызванные ими проблемы вынудили императорское правительство пойти на проведение серии реформ в сфере государственного управления, образования и в военной области, получивших название «Новой политики после 1900 года» (庚子后新政).

В начале 1901 г. был опубликован императорский указ о проведении в стране преобразований, а в апреле для разработки планов реформ и контроля за их проведением цинский императорский двор учредил специальный комитет. В него были включены видные государственные деятели и сановники: великий князь Цин (Икуан), Жунлу и Ли Хунчжан, а также наместник Хугуана (пров. Хунань и Хубэй) Чжан Чжидун и наместник Лянцзяна (пров. Цзянсу, Цзянси и Аньхой) Лю Куньи. Лю и Чжан выполняли функции координаторов «Новой политики» и отвечали за изучение иностранного политического и образовательного опыта, при этом первостепенное значение придавалось реформе образования, поскольку в данных условиях Цинской империи требовались новые хорошо подготовленные кадры.

Этот период мог стать переломным в истории Китая, если бы программа реформ, направленных по сути на сохранение императорской власти, была сформулирована более масштабно, а их социальная база была более широкой. Существенную роль играли также личные качества, убеждения и интересы тех, кто претворял в жизнь цинскую «программу модернизации». Можно согласиться с утверждением А.В. Виноградова, что в этих условиях «центральной стала борьба между умеренными и консервативными реформаторами, а критерием их отличия — мера радикализма в отношении западных заимствований и сохранения китайской культуры»¹.

В 1901 г. произошли перемены и в Российской дипломатической миссии в Пекине. 29 сентября 1901 г. Павел Михайлович Лессар сменил Михаила Николаевича Гирса на посту чрезвычайного посланника и полномочного министра в Цинской империи. 26 марта (8 апреля) 1902 г. П.М. Лессар подписал в Пекине с главноуправляющим созданного незадолго до этого в Китае Министерства иностранных дел великим князем Цином и его заместителем Ван Вэньшао соглашение о выводе русских войск из Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), по которому данная территория признавалась «составной частью Китайской империи», и там полностью восстанавливалась власть китайского правительства, а Россия обязывалась вывести оттуда свои войска в три этапа в течение полутора лет, если «не возникнет смут и образ действий других держав тому не воспрепятствуют»².

П.М. Лессар (1851–1905) был опытным дипломатом. Будучи хорошо образованным и эрудированным человеком, он беззаветно служил России на всех должностях, которые занимал на протяжении своей жизни — будь то в Центральной Азии, Лондоне или Китае. П.М. Лессар получил отличное инженерное образование в Институте Корпуса инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге³ и в предшествующий период проявил себя также в качестве военного инженера, что, безусловно, имело значение для его работы

¹ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 72.

² Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 91.

³ Одно из первых высших технических учебных заведений России. Ныне — Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. Следует заметить, что двое выпускников данного высшего учебного заведения возглавляли посольство нашей страны в Пекине — П.М. Лессар и Василий Сергеевич Толстикова (1917–2003), Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в КНР в 1970–1978 гг.

в Китае, где одними из ключевых являлись вопросы, связанные с эксплуатацией Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В его обязанности также входила координация деятельности российских представителей в Китае, которые находились там не только по линии Министерства иностранных дел.

После подавления восстания ихэтуаней и начала «Новой политики» цинского двора представители держав стали внимательно следить за происходившими в Китае переменами. Сотрудники Российской дипломатической миссии в Пекине и другие посланцы нашей страны также активно изучали и анализировали политическую и социальную жизнь тогдашнего Китая. Помимо посольских и консульских работников этим занимались представители российского Министерства финансов. Наиболее заметными среди них были: Дмитрий Дмитриевич Покотилов (1865–1908), окончивший в 1887 г. факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета и поступивший в том же году на работу в Министерство иностранных дел, а в 1893 г. перешедший в Министерство финансов, и Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937) — выпускник того же факультета, большую часть жизни плодотворно совмещавший научную работу и дипломатическую деятельность в Китае⁴.

Дипломатическая карьера Д.Д. Покотилова достигла вершины, когда, в связи с безвременной кончиной российского посланника в Пекине П.М. Лессара в 1905 г., он занял освободившийся пост и оставался на нем вплоть до своей смерти в 1908 г.

Д.Д. Покотилов был личностью незаурядной. В дни, последовавшие за его скоростижной кончиной, российская пресса была единодушна в том, что он был человеком «большого ума и энергии» и «прекрасно знал ту страну, в которой он являлся официальным представителем России»⁵. Д.Д. Покотилов личным примером подтвердил, что только в совершенстве владеющие китайским языком и прекрасно знающие и понимающие Китай специалисты способны достойно трудиться на дипломатическом поприще в этой стране. И именно такие кадры в то время готовил Санкт-Петербургский университет.

Можно целиком согласиться с высокой оценкой, которую дал Д.Д. Покотилову известный исследователь истории отечественного востоковедения А.Н. Хохлов, отметивший, что до 1917 г. во главе Российской дипломатической миссии в Пекине не было «столь даровитой и уникальной фигуры», какой можно с полным основанием считать Дмитрия Дмитриевича Покотилова, отлично говорившего по-китайски и владевшего китайской письменностью позднего средневековья и нового времени⁶.

И хотя в 1901–1902 гг., когда цинский двор начал осуществлять «Новую политику», Д.Д. Покотилов и Д.М. Позднеев⁷ формально являлись сотрудниками финансового ведомства, их донесения, телеграммы и аналитические записки были в равной степени полезны как Министерству финансов, так и Министерству иностранных дел, и они так же, как и сотрудники МИДа, вносили свой вклад в дело скрупулезного изучения общественно-политической ситуации в тогдашнем Китае.

По поступавшим в Петербург материалам, подготовленным российскими представителями в Китае, а ныне хранящимся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), можно составить полную картину начального этапа осуществления «Новой политики» и связанной с ней борьбы группировок за политическое влияние, что важно для понимания этого сложного периода китайской истории. Внимательное изучение

⁴ Петухова Н.В. Дипломатическая деятельность востоковедов Д.Д. Покотилова и Д.М. Позднеева в Китае в 1895–1901 гг. // *Проблемы Дальнего Востока*. № 6. 2016. С. 147–152.

⁵ Д.Д. Покотилов [Некролог] // *Нива*. 1908. № 11. С. 216.

⁶ Хохлов А.Н. Дмитрий Дмитриевич Покотилов // *Вопросы истории*. 2011. № 5. С. 36–54.

⁷ Подробнее о биографии Д.М. Позднеева см.: Маранджан К.Г. Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» // *Письменные памятники Востока*. 2012. № 2. С. 281–303.

хранящихся в РГИА материалов убеждает в том, что Д.Д. Покотилов, Д.М. Позднеев и другие наши представители, будучи профессиональными китаеведами, внимательно следили за переменами в цинском Китае, старались глубоко вникнуть в складывающуюся ситуацию и скрупулезно фиксировали наметившиеся нововведения. Их донесения — это не только изложение собранной информации, но и глубокий анализ происходящих событий. Некоторые записки были очень объемными (более одного-двух десятков страниц машинописного текста), все китайские имена и названия учреждений сопровождалось иероглификой. Страницы испещрены карандашными пометками, что говорит о внимательном прочтении присылаемых из Пекина в Петербург материалов. По этим пометкам видно, что со многими документамизнакомился лично Сергей Юльевич Витте.

Российские представители стали внимательно следить за появлением планов преобразований в цинском Китае и претворением их в жизнь, начиная с первых императорских указов о реформах. 31 января (13 февраля) 1901 г. Д.Д. Покотилов отправил из Пекина на имя министра финансов С.Ю. Витте телеграмму с сообщением о том, что в Сиане, куда цинский двор переехал во время подавления «Боксерского» восстания иностранными войсками, был обнародован указ императора Гуансюя, «признающий в общих чертах необходимость реформ в Китае и предписывающий всем высшим чинам в Империи представить в двухмесячный срок соображения касательно этих реформ»⁸. 18 апреля (1 мая) того же года Д.М. Позднеев уведомил министра финансов, что указом императора Гуансюя была назначена государственная комиссия для обсуждения вопросов предстоящих реформ⁹. Речь здесь шла о создании Верховного административного управления (督办政务处). В императорском указе было однозначно провозглашено, что наступило время реформ.

В дальнейшем Д.М. Позднеев сообщил, что были получены два указа, повелевавшие подвергнуть истреблению архивы шести министерств «в видах уничтожения вредных прецедентов и облегчения введения реформ»¹⁰. 30 мая (12 июня) он написал С.Ю. Витте, что такая экстраординарная мера была обусловлена, по мысли китайского правительства, сознанием необходимости отступить от прежнего порядка ведения дел и двинуться по пути реформ¹¹. Анализируя данную информацию, наши представители пришли к выводу о том, что эти меры были обусловлены стремлением избавиться от упоминания о нежелательных «прецедентах» и тем самым облегчить создание идейной основы для начинавшихся преобразований. В этой связи отмечалось, что «в Пекине ходят упорные слухи, что происшедший в ночь на 23 мая пожар одного из дворцовых зданий, У-ин-дянь¹², в котором хранились архивы правительственных распоряжений, не был следствием случайной неосторожности или злого умысла, но что означенные архивы были преданы сожжению во исполнение высочайшей воли богдохана»¹³.

⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 55.

⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 56.

¹⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 73.

¹¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 85.

¹² Имеется в виду Зал Уиндянь (Зал Воинской доблести, 武英殿). Это здание расположено во дворцовом комплексе Гугун к западу от Зала Высшей гармонии (Тайхэдянь, 太和殿). При династии Мин (1368–1644) в этом Зале императоры принимали министров. Во время крестьянской войны 1628–1647 гг., в ходе которой повстанцы в 1644 г. заняли Пекин, Зал воинской доблести стал местом, где их вождь Ли Цзычэн взошел на трон как император. Начиная с правления Канси, Зал воинской доблести являлся важным идеологическим и культурным центром — своего рода мастерской по исправлению, составлению и печатанию ксилографических книг государственного значения. Отпечатанные там книги помечались специальным знаком: «Напечатано в Зале воинской доблести».

¹³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 85об.

Российские дипломаты также обратили внимание на начало преобразований в Академии Ханьлинь (翰林院). 1(14) июня 1901 г. в Петербурге была получена телеграмма, отправленная из Пекина на имя министра финансов, в которой Д.М. Позднеев сообщал об указе императора, согласно которому членам Академии было рекомендовано вместо бесполезных занятий поэзией и древними философскими сочинениями уделить время изучению «западных наук», в особенности международного права, астрономии и химии. Позднеев отметил, что «тон указа напоминает времена Кан Ювэя»¹⁴.

Следует отметить, что Академия Ханьлинь являлась важнейшим государственным учреждением, выполнявшим функции императорской канцелярии и одновременно высшей школой, где готовились управленческие кадры, а ее члены часто становились советниками императора. Там же осуществлялась официальная интерпретация классических конфуцианских сочинений и формулировались критерии оценивания экзаменационных работ соискателей высших ученых степеней. Реформирование Академии знаменовало крутой поворот в системе подготовки кадров.

В Петербург был также направлен перевод на русский язык указа от 28 мая (5 июня) 1901 г., где говорилось: «Ныне, когда предстоит время введения реформ в области государственного управления, все состоящие в списках академии, начиная с чиновников второго класса и выше, должны обращать особенное внимание на изучение порядка управления страной, взяв для сей цели за основание законы нынешней династии (Дай-цин-хуй-дянь¹⁵) и уложения шести министерств (Лю-бу-цзэ-ли¹⁶). Вместе с сим им рекомендуется ознакомление со старыми и новыми книгами, трактующими о государственном устройстве, с географией страны, равно как с трактатами, порядками других государств, астрономией и естественными науками»¹⁷. Одновременно руководителю Академии предлагалось представить проект ее реформирования.

19 января (1 февраля) 1902 г. появился указ императора о направлении в зарубежные страны для изучения различных наук «молодых людей, принадлежащих к весьма многочисленному классу родственников императорского дома, а равно происходящих из знаменитых маньчжур»¹⁸.

В указах говорилось о том, что сношения с иностранцами являются делом первоочередной важности и для упрочения государственного строя необходимо привлечь на службу всех, кто обладает какими-либо способностями и талантами. Если чиновники, посещая зарубежные страны, будут изучать государственные дела и науки, «то их умственный кругозор расширится, и они будут в состоянии с пользой служить государству»¹⁹. Поскольку члены императорского дома и представители восьми знамен относились к этому отрицательно, «необходимо побудить их к такому самоусовершенствованию». По этой причине император поручил руководству Ведомства императорского двора (宗人府), а также начальникам восьми знамен подобрать молодых людей в возрасте 15–25 лет, обладающих способностями и крепким здоровьем, способных выполнять императорские предначертания относительно государственных реформ и развития образования²⁰.

Согласно еще одному императорскому указу, лица, выдержавшие экзамен на получение высшей ученой степени, должны были поступать на трехлетний срок в Пекинский университет и лишь после получения свидетельства об освоении необходимой специальности, могли претендовать на должность в государственном учреждении²¹.

¹⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 94.

¹⁵ 大清会典.

¹⁶ 六部则例.

¹⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 97.

¹⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 10б.

¹⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 7.

²⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 7–7об.

²¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 193.

В 1902 г. был издан указ императрицы Цыси, разрешавший браки между маньчжурами и китайцами. Однако там было сказано, что наложницы императора должны набираться только из семей, принадлежавших к восьми знаменам, и «по-прежнему не будут брать девиц китайского происхождения»²².

Изучая упомянутые выше документы, Д.М. Позднеев обратил внимание на то, что язык императорских указов совершенно изменился и едва ли не в каждом номере официальной столичной газеты «Цзин бао» (京报) восхвалялось все европейское и предписывалось учиться европейским наукам. Одним из указов было дано распоряжение проэкзаменовывать всех живших за границей китайцев и дать лучшим из них ученые степени²³ («по внешности, настали времена Кан Ювэя», — писал Позднеев). Однако, несмотря на то, что императорские указы предписывали обновление и преобразование некоторых важных государственных учреждений, нашими представителями был сделан правильный вывод о том, что сам цинский императорский двор, внося изменения во внутреннюю политику, по существу остается тем же, хотя и «старается на словах делать все приятное для европейцев и для дружащей с ними партии»²⁴. И хотя была учреждена государственная комиссия для разработки реформ, однако в ее состав были включены лица, «никогда к реформам не тяготившие»²⁵.

Также российские представители уделяли особое внимание вопросам преобразования Цзунли ямэня (总理衙门) в Министерство иностранных дел (外务部) и сопровождавшим этот процесс кадровым перестановкам. Перевод соответствующего указа императора Гуансюя от 11 (24) июля 1901 г. был направлен непосредственно С.Ю. Витте. В приложенном письме Д.М. Позднеев отметил, что в состав Министерства иностранных дел первоначально не вошли некоторые известные лица (прежде всего маньчжуры — Натун, Гуйчунь, Чунли и др.). Кроме того, в указе говорилось о том, что если ранее губернаторы провинций являлись (помимо исполнения ими основных обязанностей) членами Цзунли ямэня, то теперь они не входят в штат Министерства иностранных дел. Однако в тех провинциях, где возникают сношения с иностранцами, губернаторам и генерал-губернаторам по-прежнему вменялось в обязанности «зорко следить» за состоянием дел в этой сфере²⁶.

Также интересовал российских дипломатов и других наших представителей вопрос о том, кто же персонально будет воплощать в жизнь новые внешнеполитические установки и к каким государствам эти лица питают большую или меньшую симпатию. 26 августа (8 сентября) 1901 г. Д.М. Позднеев сообщил министру финансов о назначении членами Министерства иностранных дел великого князя Цина, Ван Вэньшао, Цюй Хунци,

²² РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 8–8об.

²³ Позднеев — Витте. 9 (22) июля 1901 г.: «Имею честь почтительнейше представить Вашему Высокопревосходительству перевод с указа вдовствующей императрицы по вопросу о подыскании подходящих людей на разные государственные должности из лиц, получивших образование в Европе... В виду важности для государства иметь хороших и сведущих чиновников и принимая во внимание, что есть не мало китайских подданных, занимающихся в Америке и Европе усовершенствованием в науках, причем между ними имеются такие, которые уже кончили полный курс и получили дипломы, Мы повелеваем Нашим представителям за границу присылать в Китай людей умных из означенной категории, сносясь по предмету их дальнейших экзаменов с Государственной Комиссиею (Чжэн-у-чу). Коли при этом означенные люди окажутся на самом деле знающими, в таком случае им надлежит дать, смотря по заслугам, ученые степени Цзиньши, Цзюйжэнь или Гуншэн, с назначением их на ту или другую государственную должность».

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 106.

²⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 103.

²⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 103.

²⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 114–115.

Сюй Шоупэна и Ляньфана. Он также отметил, что великий князь Цин и Ван Вэньшао имели большой опыт работы в Цзунли ямэне, а остальные трое гораздо менее известны²⁷. Внешнеполитическое ведомство оставалось коллегиальным учреждением, в связи с чем Позднеев высказал опасение, что «таким образом членам его дается возможность и впредь затягивать и запутывать, по желанию, всякое дело вследствие отсутствия ответственных лиц с решающим голосом»²⁸.

В то же время, анализируя состав руководства нового министерства, Д.М. Позднеев пришел к выводу, что все высшие чины нового учреждения являлись лицами, «относящимися не враждебно к сношениям с иностранцами» и достаточно здраво смотревшими на современное положение дел: «Это можно сказать о князе Цин-цин-ване, председателе нового Министерства, и Ван Вэньшао, первом Министре»²⁹. По поводу Ван Вэньшао³⁰ он писал, что тот за все время своей карьеры (ему было за 60 лет) проявлял расположение к иностранцам и при этом пользовался доверием и расположением императорского двора. Его помощником «с правами министра» был назначен Цюй Хунци, имевший высшую ученую степень и первоначально состоявший при Академии Ханьлинь. Затем он стал попечителем учебного округа в провинции Цзянси, после чего был назначен главой министерства государственных работ. Д.М. Позднеев подчеркивал, что Цюй Хунци «слывет за человека, внимательно следящего за сношениями с иностранцами»³¹ и отмечал тот факт, что его сын учился русскому языку у преподавателя Саиньту³². Позднеев также заметил, что, по имеющимся сведениям, своим столь важным назначением Цюй Хунци был обязан протекции Ван Вэньшао, с которым состоял в наилучших отношениях. Он также являлся членом «Верховного совета» (军机处)³³.

В свою очередь, Сюй Шоупэн и Ляньфан были назначены «товарищами министра нового министерства» по протекции Ли Хунчжана. Первый в начале своей карьеры состоял членом Академии Ханьлинь, а затем получил место даотая в Тяньцзине, после чего служил посланником в Корее. Он, как писал Д.М. Позднеев, «знает Европу по собственному наблюдению, так как состоял членом чрезвычайного посольства в Лондоне по случаю юбилея королевы Виктории»³⁴. Второй «товарищ министра» — Ляньфан³⁵ хоро-

²⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 126об.

²⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 126об.

²⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 126об. — 127.

³⁰ Ван Вэньшао (1830–1908). Высокопоставленный чиновник конца правления династии Цин, один из главных представителей группировки 洋务派 («сторонников усвоения заморских дел»). Считался ловким и изворотливым политиком. Генерал-губернатор Юньнани и Гуйчжоу в 1889–94 гг., генерал-губернатор Чжили в 1895–98 гг., на этом посту участвовал в инициированных Ли Хунчжаном мероприятиях по реорганизации армии и созданию военной и военно-морской академий, содействовал организации Бэйянского (ныне — Тяньцзиньский) университета, основанного в 1895 г.

³¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 127об.

³² Саиньту — монгол, принадлежавший к Желтому с каймой знамени. С 13 лет обучался в училище Тунвэньгуань, где изучал русский язык, право и естественные науки. В 1889 г. поступил на службу в Цзунли ямэнь. В 1904 г. стал переводчиком в Министерстве иностранных дел. В 1908–1911 гг. — посланник в России.

³³ Цзюньцзичу — военный совет при особе цинского императора, созданный в 1732 г. Учитывая важнейшую роль этого органа в системе государственного управления, российские дипломатические представители обычно именовали его Верховным советом или Государственным советом. Именно так — Государственный совет — предлагают называть его современные китайские историки Е Байчуань и Чжан Боно (См.: Е Байчуань, Чжан Боно. Современный этап изучения истории династии Цин: Источниковая база // Вестник СПбГУ. Сер. 13. № 1. 2012. С. 69.).

³⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 128.

шо владел французским языком и усовершенствовался в нем во время своего пребывания в Париже, где состоял секретарем и драгоманом китайской дипломатической миссии. Позднее с удовлетворением заметил, что Ляньфан поддерживает хорошие отношения с Русско-Китайским банком, и «в последнее время он вместе с нами принимал участие в даровой раздаче риса»³⁶.

Российское руководство в то время было сильно обеспокоено состоянием здоровья Ли Хунчжана, который долгое время сохранял контроль над основными направлениями внешней политики Цинской империи и небезосновательно считался сторонником ориентации на Россию. Д.М. Позднеев с конца августа 1901 г. внимательно следил за сообщениями об ухудшении его здоровья, общался с лечащими врачами и постоянно в телеграммах информировал обо всем С.Ю. Витте³⁷, а тот в свою очередь — министра иностранных дел графа В.М. Ламздорфа³⁸.

Несмотря на наметившееся кратковременное улучшение³⁹, Ли Хунчжан скончался 25 октября (7 ноября), о чем Д.М. Позднеев немедленно сообщил в Петербург⁴⁰. Он также проинформировал об обнаружении императорского указа о посмертных почестях Ли Хунчжану⁴¹. В своих донесениях Позднеев очень сожалел о его кончине, указывая на то, что Ли Хунчжан искренне желал заключить новое соглашение с Россией и даже «во время предсмертной агонии он бредил настоящим вопросом, высказывая сожаление, что не успел его довести до конца»⁴². 27 октября (9 ноября) 1901 г. состоялась траурная церемония у гроба Ли Хунчжана, на которой присутствовал весь дипломатический корпус⁴³.

После кончины Ли Хунчжана развернулась ожесточенная борьба группировок за влияние на императорский двор. Российские диппредставители приступили к изучению вопроса о том, кто сможет занять его место на вершине китайской внешней политики и оказывать влияние на позицию цинского двора. В своей аналитической записке от 27 октября 1901 г. Д.Д. Покотилов привел развернутые характеристики двух наиболее вероятных, по его мнению, претендентов на эту роль — Ван Вэньшао и Юань Шикая.

Характеризуя члена Государственного совета Ван Вэньшао, Покотилов писал, что он «человек весьма преклонных лет», был чилийским генерал-губернатором и членом Цзунли ямэня. По мнению Покотилова, Ван Вэньшао ранее никогда не отличался либеральными взглядами в делах иностранной политики⁴⁴, а то, что в 1900 г. Ван Вэньшао отправился из Пекина в Сиань вместе с императорским двором, свидетельствовало о «его в достаточной мере реакционных взглядах». Однако, как указывал Покотилов, среди лиц, окружавших императора и вдовствующую императрицу в Сиане, Ван Вэньшао следует рассматривать как человека, «наиболее здраво смотрящего на вещи и имевшего известную опытность в делах сношения с иностранцами»⁴⁵. Опыт общения с иностранца-

³⁵ Ляньфан (1835?–1927?) — государственный деятель позднецинского времени. Маньчжур, принадлежал к Белому с каймой знамени. Входил в число первых 10 студентов училища Тунвэньгуань (Училище иностранных языков). Переводил книги с французского языка, служил в дипломатической миссии Цинской империи в Париже. Входил в состав китайской делегации на коронации Николая II в 1896 г.

³⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 128.

³⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Лл. 121, 133, 134, 150, 152, 155, 156, 158.

³⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 153.

³⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 158.

⁴⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 159.

⁴¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 163.

⁴² РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 202.

⁴³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 171.

⁴⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 164.

⁴⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 164.

ми он приобрел в 1880-е гг. во время службы в Цзунли ямэне и при исполнении обязанностей генерал-губернатора провинций Юньнань и Гуйчжоу, а затем во время пребывания на аналогичном посту в столичной провинции Чжили. Ван всегда пользовался значительным влиянием при дворе, и в Сиане все сношения с иностранцами проходили при его участии. Являясь членом Цзунли ямэня, Ван Вэньшао держался крайне осторожно и сдержанно, участвуя в переговорах лишь совместно с другими сотрудниками⁴⁶.

Д.Д. Покотилев также обратил внимание на быстрый рост влияния шаньдунского губернатора Юань Шикая. Как говорилось в его аналитической записке, этот «сравнительно еще молодой сановник... пользуется славою весьма энергичного и деятельного человека... Стоит во главе отборного китайского отряда численностью в 8–10 тысяч человек, обученного на европейский лад и перевезенного им при назначении на пост Шаньдунского губернатора из места стоянки этого отряда в окрестностях Тяньцзиня в провинцию Шаньдун»⁴⁷. Покотилев высоко оценил уровень подготовки и военный потенциал этой сравнительно небольшой воинской части, благодаря которой Юань Шикай имел возможность «сохранить порядок во вверенной ему области в время последних волнений и приобрел в этом отношении среди иностранцев хорошую славу»⁴⁸. Он также зарекомендовал себя и на дипломатическом поприще во время службы в качестве китайского резидента в Сеуле.

Однако Д.Д. Покотилев не забыл упомянуть о том, что Юань Шикай сыграл двучленную роль во время событий 1898 г., когда «предательски» сообщил вдовствующей императрице о замыслах реформаторов. Именно по этой причине он пользовался значительным весом в глазах императрицы Цыси. Войска, вверенные Юань Шикаю, были обучены на немецкий лад, и, как полагал Покотилев, симпатии его были на стороне Германии, а его связи с немцами окрепли во время губернаторства в Шаньдуне⁴⁹.

В специально подготовленной справке отмечалось, что Юань Шикай — энергичный и хорошо образованный человек. «Он сознает все недостатки современного строя Китая и держится мнения, что только принятие соответствующих мер может спасти его от распада. В качестве военного начальника Юань Шикай выказал значительные организационные способности, и его войска являются ныне лучшими в Китае»⁵⁰. В справке также говорилось о том, что он активно привлекает в свои войска германских инструкторов, что указывает на существование у него «немецких симпатий».

В свою очередь, Д.М. Позднеев в связи с назначением Юань Шикая на пост генерал-губернатора столичной провинции, отмечал, что он имел неплохой опыт в области иностранных дел. Находясь почти десять лет (1884–1893 гг.) в Корее, он сумел «в это время настолько поднять престиж Китая, что при аудиенции у Корейского короля он один из всех иностранных представителей имел право присутствовать сидя»⁵¹. В то же время Д.М. Позднеев, как и Д.Д. Покотилев, указывал на беспринципность и холодную расчетливость этого человека, проявившиеся во время событий 1898 г., когда он счел для себя более выгодным изменить императору и перевернуться на сторону императрицы Цыси.

Также российских представителей заинтересовали перспективы переключения на Юань Шикая основных направлений внешней политики цинского двора. Д.М. Позднеев писал, что во время пребывания в должности губернатора провинции Шаньдун Юань Шикай наладил сотрудничество с немцами, мирно улаживая возникавшие с ними «недоразумения» и «имел немало случаев ознакомиться с главным направлением ино-

⁴⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 164об.

⁴⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 164об. — 165.

⁴⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 165.

⁴⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 165.

⁵⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 166об.

⁵¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 185.

странной политики по отношению к Китаю»⁵². Он весьма решительно проявил себя во время «Боксерского» движения, чем снискал расположение иностранцев: «Его заботливость о жизни проживавших в этой провинции миссионеров неоднократно восхвалялась последними на страницах повременных шанхайских изданий»⁵³.

В пространной аналитической записке, направленной министру финансов, Д.М. Позднеев продолжил обсуждение вопроса о том, на какие иностранные государства будут ориентироваться наиболее влиятельные государственные деятели Китая после кончины Ли Хунчжана. Проанализировав внешнеполитические симпатии наиболее высокопоставленных сановников, он пришел к выводу, что великий князь Цин и его сторонники ориентируются на Японию и рассматривают ее в качестве образца для Китая. Побывавший в Японии Натун, который «со временем вероятно займет видное место в сношениях с иностранцами, в принципе также в пользу Японии». Ван Вэньшао, по мнению Позднеева, занимал нейтральную позицию и не высказывал своих предпочтений, Юань Шикай все лучшее видел в Германии, а «ожные вице-короли продолжают оставаться сторонниками Англии»⁵⁴. Кроме того, Позднеев отметил, что сын покойного маркиза Цзэна⁵⁵ — Цзэн Гуанхань оказался страстным поклонником англичан и американцев и «ненавистником России»⁵⁶. Вывод, сделанный Д.М. Позднеевым, был явно неутешителен: после смерти Ли Хунчжана и отстранения нескольких его последователей, на вершине властной пирамиды цинского Китая практически не осталось никого из сторонников сближения с Россией.

Отдельное внимание в отчетах и телеграммах было уделено реформированию системы образования. В пространной Записке о современном положении в Китае, направленной министру финансов Д.М. Позднеевым в декабре 1901 г., было отмечено, что «неоднократными указами от имени императора и императрицы повелевается открытие школ и введение в них преподавания по европейскому образцу»⁵⁷. Он подчеркивал, что губернаторы провинций делают в этом направлении все возможное, и реформа находит множество сторонников, особенно в приморских городах. «Первое место принадлежит высшей школе» в г. Цзинань, организованной Юань Шикаем, где насчитывается около 100 учеников. Составленный им устав и правила школы были одобрены лично вдовствующей императрицей как образец для подобных школ во всех провинциях. К ее организации был привлечен пресвитерианский миссионер из США У.М. Хейс. Еще одна высшая школа была основана в главном городе провинции Шаньси — Тайюане. Как отмечал Позднеев, губернатор этой провинции настолько проникся предложением американского миссионера Тимоти Ричарда, что изъявил согласие отпустить из средств провинциально-го казначейства в течение десяти лет по 50 000 лан на содержание новой школы⁵⁸.

Реформа коснулась и военного обучения. В одном из императорских указов говорилось о необходимости преобразования армии и изменения подготовки командного состава, а для этой цели во всех провинциях учреждались военные школы с европейскими инструкторами по образцу уже созданных Чжилийской, Шаньдунской и Хубэйской. Ведущим сановникам и военным было предписано разработать правила для новых военных школ и представить свои соображения о преобразовании армии.

Во исполнение этого указа в Китае началось создание военных школ и академий европейского типа. Наибольшую активность в данном направлении проявляли: на юге — Чжан Чжидун и Лю Куньи, а на севере — Юань Шикай. Предусматривалось командирование китайских офицеров и даже генералов за границу. Лю Куньи было поручено изы-

⁵² РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 186.

⁵³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 186.

⁵⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 225.

⁵⁵ Цзэн Цицзэ (1839–1890).

⁵⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 226.

⁵⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 212.

⁵⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 213.

скасть средства для отправки офицеров, а Цюй Хунцзи выступил с предложением, чтобы тех, кто прошел «курс наук» в Тяньцзиньской, Нанкинской и Учанской военных академиях, сначала на шесть-восемь месяцев командировать в Японию для совершенствования знаний и только затем направлять в войска. В свою очередь, великий князь Цин для «изучения постановки полицейского дела» предложил послать в Японию нескольких способных молодых маньчжуров и после возвращения в Китай поручить им создать полицейскую службу в Пекине⁵⁹.

Российские представители в своих донесениях указывали на то, что борьба группировок в правящих кругах Цинской империи, начавшаяся после кончины Ли Хунчжана, все более разгоралась. Новым объектом серьезной критики стал один из влиятельнейших представителей маньчжурской знати — Жунлу.

Западная пресса в то время склонялась к признанию полной солидарности Жунлу с зачинщиками волнений во время «Боксерского» восстания. Это мнение тщательно оспаривалось представителями цинского правительства, утверждавшими, что Жунлу, «сохраняя необходимую при столь трудных обстоятельствах осторожность, прилагал, напротив, все старания к тому, чтобы сдерживать яростные порывы антиевропейской партии»⁶⁰. Поэтому, как отметил Д.Д. Покотилов, «пришлось разыграть комедию с мнимым прошением об отставке»⁶¹. В итоге последовал указ вдовствующей императрицы, в котором говорилось: «Означенный же сановник всегда пользовался особою нашей милостью... Как же он может теперь допустить мысль, что ему пора удалиться от государственных дел, в то время, когда Мы с утра до ночи несем бремя управления, неужели совесть его не подсказывает ему другого образа действий?»⁶².

Указом от 29 января (2 февраля) Жунлу был пожалован титул *Вэнь-хуа-дянь-да сюэ-ши* (文华殿大学士)⁶³, который присваивался первым сановникам империи, включая покойного Ли Хунчжана. Наши дипломатические представители отмечали, что после этого Жунлу настолько воспрянул духом, что решился нанести визиты иностранным посланникам, и всюду был принят более или менее благосклонно. В значительной мере на своих коллег повлиял российский посланник П.М. Лессар, убедивший их в бесполезности упорствовать в негативном отношении к человеку, занимающему столь значимое положение при дворе⁶⁴. Влияние Жунлу вновь стало расти, и в одном из писем Д.Д. Покотилов назвал его «бесспорно первым и наиболее влиятельным сановником империи»⁶⁵.

После последовавшей 11 апреля 1903 г. скоростигной кончины Жунлу были обнародованы два указа императрицы Цыси. Д.Д. Покотилов отметил, что эти указы, составленные в теплых и сочувственных выражениях, подтверждали, что покойный Жунлу занимал исключительное положение среди высших сановников⁶⁶.

Российские представители обратили внимание на то, что после смерти Жунлу значительно укрепились позиции великого князя Цина и его сторонников. В письме от 16 (28) мая 1903 г. Д.Д. Покотилов сообщал С.Ю. Вигте о том, что после назначения князя Цина членом Государственного совета произошли серьезные изменения в составе не так давно созданного Министерства иностранных дел. Маньчжурский сановник Натун, занимавший до этого пост первого заместителя министра («старшего вице-президента»), оставил свой пост и отправился в Японию вместе со старшим сыном князя Цина для изучения

⁵⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 3. Л. 216–217.

⁶⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 2.

⁶¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 2.

⁶² РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 6–6об.

⁶³ «Великий ученый муж Палаты выдающихся ученых (“литературных светил”)». Здание Палаты находится в юго-восточной части Внешнего двора Запретного города.

⁶⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 2об.

⁶⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 22.

⁶⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 5. Л. 70.

системы денежного обращения в этой стране и подготовки доклада о возможности стабилизации серебряной валюты в Китае⁶⁷. На его место в Министерстве иностранных дел был назначен другой сановник — Ляньфан, которому покровительствовал великий князь Цин.

Д.Д. Покотиллов также обратил внимание на то, что сторонники князя Цина оказывали сильное противодействие привлечению к проведению реформ в столице влиятельных представителей региональных элит. Так, императрица Цыси планировала призвать ко двору хугуанского генерал-губернатора Чжан Чжидуна. Предполагалось, что он займет место в Государственном совете и Министерстве иностранных дел, однако князь Цин и Ван Вэйшао активно противились этому назначению. Покотиллов предположил, что Чжан Чжидуну придется вернуться в Учан, и оказался прав в своих прогнозах. В то же время он отметил, что с точки зрения интересов России назначение Чжан Чжидуна в Государственный совет и Министерство иностранных дел представлялось бы весьма нежелательным ввиду известных еще с 1881 г. его «антирусских наклонностей» и весьма явно проявившихся в последние годы симпатий к Японии⁶⁸.

При этом, прекрасно зная возможности Чжан Чжидуна и его активность, императорский двор продолжал использовать его потенциал. В июне 1903 г. был опубликован указ, в котором Чжан Чжидуну предписывалось вместе с министром юстиции и заведующим Пекинским университетом пересмотреть уставы университета и всех высших школ империи и представить об этом доклад ввиду необходимости подготовки способной молодежи для государственной службы⁶⁹.

Личность Чжан Чжидуна и его участие в проводимых реформах очень интересовали наших дипломатов. Управляющий российским консульством в Ханькоу А.Т. Бельченко в 1902 г. посетил этого сановника и имел с ним продолжительную беседу, о чем проинформировал российский МИД. С одной стороны, он отметил явно обозначившуюся ориентацию Чжан Чжидуна на Японию: «Повсюду в Хубэйской и Хунаньской провинциях инструкторы японцы. Даже в самом Учане армия Чжан Чжидуна, обученная по немецкому образцу инструкторами немцами, весьма возможно, в скором времени лишится своих прежних учителей и получит взамен новых — японцев... японцы проникают и в армию, и в другие учреждения»⁷⁰.

В то же время Бельченко высоко оценил реформаторскую деятельность и личные качества Чжан Чжидуна: «К сожалению, все его разумные начинания терпят полное фиаско вследствие полного непонимания и преследования подвластными ему чиновниками своих собственных целей, клонящихся к тому, чтобы как можно больше нажить денег. Отличаясь необыкновенною честностью, Чжан Чжидун все свои средства тратит на улучшение своих владений, но их далеко, конечно, недостаточно... Неудача, однако, не останавливает энергичного Чжан Чжидуна, и он продолжает делать те или другие полезные для Китая нововведения»⁷¹.

Во время прощальной беседы А.Т. Бельченко с Чжан Чжидуном, продолжавшейся около двух часов и отличавшейся необыкновенной задушевностью, наш дипломат выяснил, что генерал-губернатор очень интересуется производством свекловичного сахара в России и хотел бы у себя построить свекловичный завод.

В конце своего донесения Бельченко так охарактеризовал Чжан Чжидуна: «Заметно возвышаясь над общим уровнем сонных, трусливых и невежественных китайских чиновников, Чжан Чжидун в момент тяжелых и неслыханных испытаний, претерпеваемых Китаем, является верным стражем его жизненных интересов и единственно опо-

⁶⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 5. Л. 84.

⁶⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 5. Л. 85.

⁶⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 5. Л. 91.

⁷⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 200.

⁷¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 203.

рою государства. Управляя двумя провинциями в течение многих лет, он сумел снискать уважение и доверие не только китайцев, но и европейцев»⁷².

Однако достаточно скоро подчеркнуто заинтересованное отношение к иностранцам со стороны цинского двора и правительственных чиновников стало меняться на более индифферентное и даже недоброжелательное. По впечатлениям российского посланника П.М. Лессара, китайцы резко изменили свое отношение к русским за время его краткого отсутствия в 1903 г., постоянно обнаруживая резкий тон, неуступчивость и высокомерие. Во время открытия памятника убитому «боксерами» немецкому посланнику Кетелеру, кроме великого князя Чуня, на церемонии не присутствовал ни один из «сколько-нибудь видных членов административного или придворного мира Пекина. Даже министры Вай-у-бу⁷³ блистали своим отсутствием». Единственными представителями этого учреждения были второстепенные фигуры — вице-президенты МИДа Ляньфан и Натун. Князь Цин «счел долгом благо разумно заболеть», а сановники Ван Вэньшао и Цюй Хунци даже не потрудились подыскать подходящего предлога для оправдания своей неявки на церемонию⁷⁴.

Изучение докладов, отчетов, служебных записок и переводов, подготовленных российскими дипломатами и представителями Министерства финансов в Цинской империи начала XX в., позволяет в деталях воссоздать картину общественно-политической жизни Китая в период проведения «Новой политики». Многие сведения, собранные российскими представителями в то время, а также результаты проделанной ими аналитической работы являются бесценным материалом, способствующим пониманию процессов, происходивших в тот сложный период в китайском обществе, что обусловлено высоким уровнем их профессиональной востоковедной подготовки и хорошим знанием страны пребывания.

Литература

- Документы Российского государственного исторического архива (РГИА).
Д.Д. Покотилов [Некролог] // *Нива*. 1908. № 11. С. 216.
Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 335 с.
Е Байчуань, Чжан Боно. Современный этап изучения истории династии Цин: Источниковая база // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13. 2012. № 1. С. 69–74.
Маранджян К.Г. Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» // *Письменные памятники Востока*. 2012. № 2. С. 281–303.
Петухова Н.В. Дипломатическая деятельность востоковедов Д.Д. Покотилова и Д.М. Позднеева в Китае в 1895–1901 гг. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 6. С. 147–152.
Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. 142 с.
Хохлов А.Н. Дмитрий Дмитриевич Покотилов // *Вопросы истории*. 2011. № 5. С. 36–54.

HISTORY

Late Qing Reforms of the Early 20th Century through the Eyes of Russian Diplomatic Representatives (Based on the Documents from the Russian State Historical Archive)

Nikolay A. Samoylov

Dr.Sc. (History), Professor, Head of Department of Theory of Asian and African Social Development, Saint Petersburg State University (address: 7–9–11, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–1361–0847. E-mail: n.samoylov@spbu.ru

⁷² РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 4. Л. 203.

⁷³ Министерство иностранных дел.

⁷⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 5. Л. 19–21.

Received 29.10.2022.

Abstract:

In 1901, after the suppression of the Boxer Rebellion by the troops of eight powers and the signing of the "Boxer Protocol", dependence of the Qing Empire on foreign powers increased, which, in turn, aggravated the growing economic and socio-political crisis in the country. The Imperial government was forced to start a series of cultural, economic, educational, military, and political reforms known as the New Policies of the late Qing dynasty.

The article presents the analysis of the reports written by Russian diplomatic representatives who at that time closely monitored the events taking place in China. The article discusses the importance of referring to such source of historical data as written reports and telegrams sent from China by Russian representatives and now kept in the funds of the Russian State Historical Archive. These documents can provide scholars with a complete picture of the initial stage of the "the New Policies" and the struggle for political influence related to it, which is of great importance in understanding the complicated period of Chinese history. The documents reviewed were not only summaries of the collected and accumulated information, but also contained a deep analysis of the events taking place in China. Characteristics of high-ranking Chinese officials contained in the reports of Russian representatives are invaluable. Moreover, in these sources one can find the assessment given to the attitude of the Western powers and Japan towards the reforms started in China. The study of the archival documents brings us to the conclusion that being well-trained sinologists, Russian diplomats and representatives of the Ministry of Finance were careful observers of the Late Qing reforms and could make far-reaching forecasts.

Key words:

China, history of Russian-Chinese relations, the New Policies of the late Qing dynasty, Pokotilov, Pozdneev, Lessar.

Funding sources:

This research was funded by the Russian Science Foundation project no. 22–28–00858 “Russian diplomats in China (second half of the 19th — early 20th Centuries): political and socio-cultural dimensions”. URL: <https://rscf.ru/en/project/22-28-00858/>.

For citation:

Samoylov N.A. Late Qing Reforms of the Early 20th Century through the Eyes of Russian Diplomatic Representatives (Based on the Documents from the Russian State Historical Archive) // Far Eastern Studies. 2022. No. 6. Pp. 175–188. DOI: 10.31857/S013128120023468-5.

References

- Documents from Russian State Historical Archive (RGIA).
- D.D. Pokotilov [Obituary]. *Niva*. 1908. No. 11. S. 216. (In Russ.)
- Hohlov A.N. Dmitrii Dmitrievich Pokotilov. *Voprosy istorii*. 2011. No. 5. S. 36–54. (In Russ.)
- Marandjan K.G. Dmitrii Matveevich Pozdneev (1865–1937): k portretu «kul'turnogo brodjagi». [Dmitry Pozdneev (1865–1937): A Sketch of the Portrait of a “Cultural Vagabond”]. *Pis'mennye pamjatniki Vostoka*. 2012. No. 2. S. 281–303. (In Russ.)
- Petuhova N.V. Diplomaticheskaya dejatel'nost' vostokovedov D.D. Pokotilova i D.M. Pozdneeva v Kitae v 1895–1901 gg. [Diplomatic activities of Orientalists D.D. Pokotilov and D.M. Pozdneev in China in 1895–1901]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2016. No. 6. S. 147–152. (In Russ.)
- Russko-kitayskie otnosheniya. 1689–1916. Oficial'nye dokumenty [Russian-Chinese relations. 1689–1916. Official documents]. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1958. 142 s. (In Russ.)
- Vinogradov A.V. Kitajskaya model' modernizacii. Poiski novoy identichnosti. [Chinese model of modernization. The search for a new identity]. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005. 335 s. (In Russ.)
- Ye Bajchuan, Zhang Bono. Sovremennyy etap izuchenija istorii dinastii Qing: Istochnikovaya baza [Modern stage of studying the history of the Qing Dynasty: Source base]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 13. 2012. No. 1. S. 69–74. (In Russ.)